

НЕДОВЕРИЕ К ЛИДЕРАМ И ДОВЕРИЕ К ИНСТИТУТАМ

Борис Межуев

БОРИС МЕЖУЕВ —
шеф-редактор «Русского
журнала»

Демократия предполагает высокую степень доверия граждан к власти. Такова точка зрения очень многих политологов, включая классиков этой науки — авторов знаменитой «Гражданской культуры» покойного Генри Алмонда и ныне здравствующего Сиднея Вербы.

Доверие к таким лидерам — прямое следствие недоверия к институтам. Понятно, что **доверять лидерам гораздо проще, чем безличным органам власти**. Легче поверить судье, чем суду как таковому. Легче признать бескорыстие одного верховного лица, чем конгломерата мало кому известных депутатов. Иначе говоря — проще жить при авторитарном режиме, чем при демократии. Поскольку демократия в данном случае есть преодоление энтропии понятных настроений и обыденных желаний. **Демократия — это и есть тот строй, в котором практикуется вопреки обычаю недоверие к лидерам и доверие к институтам.**

Почему в 1990-е годы России не удалось создать устойчивую демократию? Помимо иных, экономических, внешнеполитических причин, думаю, главная была обусловлена именно изъяном «политической культуры», а именно господством лидерской модели власти. Модели, при которой доверие к

лидеру заменяет собой серьезную работу с политическими институтами — парламентом, партиями, судами и т.д. Либералы, осуществлявшие авторитарными методами экономические реформы, действовали в точном соответствии с психологическими установками населения. Если лидер (в данном случае — Борис Ельцин) — прав, не стоит ему мешать, не стоит вставлять палки в колеса его реформаторским усилиям.

Мысль о том, что задача парламента в значительной степени и состоит в том, чтобы вставлять палки в колеса любым произвольным действиям исполнительной власти, не приходила в голову ни власти, ни оппозиции. Говорят, Рональд Рейган на переговорах с Горбачевым постоянно произносил по-русски ужасно понравившуюся ему поговорку: «Доверяй, но проверяй». И в самом деле, эта поговорка удивительным образом гораздо лучше выражала американский, а не российский политический опыт — опыт, заключенный в вынужденном и неизбежном сосуществовании двух самостоятель-

преки сложившимся институциям, и тем не менее отход от правил, в некоторых случаях вынужденный слом институтов не следует принимать за норму. В том случае если мы не берем в качестве образца, в отдельных аспектах весьма привлекательные, популистские режимы Латинской Америки. Не решит проблему и сама по себе необходимая борьба с коррупцией. Главное для власти уметь доказывать, что именно внутри институтов и происходит процесс принятия политических решений. Что именно в институтах, а не в ближайшем окружении того или иного лидера сосредоточена реальная власть.

В этом смысле вопрос не в том, упал или не упал рейтинг доверия тому или иному лицу в разгар экономического кризиса. Важно не то, насколько население доверяет тем или иным политическим решениям, а насколько оно признает саму процедуру их принятия. Решения, наверняка, были и будут ошибочными — в экономике, вообще, очень сложно установить критерий *правильности* решений,

В России (как, пожалуй, и на большей части постсоветского пространства) доверие к лидеру блокирует все попытки ввести институциональные основы политической жизни

ных и не зависимых друг от друга ветвей власти — Президента и Конгресса. В России (как, пожалуй, и на большей части постсоветского пространства) доверие к лидеру блокирует все попытки ввести институциональные основы политической жизни.

Утверждение доверия к институтам — дело, требующее сложных и многоступенчатых действий. Проблема не решается лишь правильными поступками правильных людей. Лидеры часто могут действовать хорошо и правильнее во-

слишком значительно каждое из них связано с расхождением интересов классов и страт. **Важно, чтобы люди признавали ту систему, в которой эти решения были приняты.** Чтобы они, даже не соглашаясь с этими решениями, тем не менее, не оспаривали их законность. А это серьезно увеличивает значимость вопроса, все-таки кем был тот человек, который издал то или иное распоряжение — главой силового клана, скромным чиновником правительства или же главой правящей партии. ■